

В заключение отметим, что исповедь выступает сложным в коммуникативном и психологическом плане событием, включающим констатацию и оценку фактов, событий жизни человека. Осмысление внутренней сущности и механизмов исповеди требует привлечения знаний из лингвистики, психологии, теологии и ряда других дисциплин. Только комплексный анализ позволяет понять природу такого сложного религиозного таинства и психологического события, каким является исповедь.

Литература

1. Архимандрит Лазарь. Грех и Покаяние последних времен : Изд. Московского подворья Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1995.
2. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Брюссель, 1973.
3. Воробьев В. Покаяние, исповедь, духовное руководство // Путь покаяния: Беседы перед исповедью. М. : Даниловский благовестник, 2005. С. 133 – 208.
4. Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 23 – 34.
5. Достоевский Ф.М. Бесы // Собрание сочинений в пятнадцати томах. Л. : Наука, 1990. Т. 7.
6. Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные // Собрание сочинений в двенадцати томах. М. : Изд-во «Правда», 1982. Т. 4 (Библиотека «Огонька». Отечественная классика).
7. Мень А. Таинство, слово и образ. Л. : Изд-во «Ферро-Логос», 1991.
8. Михайлова М.В. Молчание и слово (таинство покаяния и литературная исповедь) // Метафизика исповеди. Пространство исповедального слова : материалы Междунар. конф. Санкт-Петербург, 26 – 27 мая 1997 г. СПб. : Изд-во Ин-та Человека РАН, 1997. С. 9 – 14.
9. Steel D. The Gift. N.Y. : Dell Publishing Group Inc., 1996.

Confession as a genre and an intention

There are regarded the issues of a confession as one of the genres of religious discourse which contains its distinguishers and main peculiarities. It is considered reasonable to speak not only about the confession genre but also about the presence of different types of confessional intention in texts that is to some extent wider than a confession. There is revealed and described the number of types of confessional intention realization in narrative texts.

Key words: *religious discourse, genre, confession, confessional intention, ways of realization.*

Т.С. ОСТАПЕНКО
(Иркутск)

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТАВТОЛОГИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ В РЕЧИ ГОВОРЯЩЕГО

Показаны основные причины появления тавтологических выражений в речи говорящих. Выявляются четыре основные причины, по которым говорящие используют в своей речи тавтологии. В соответствии с этим производится разделение тавтологических выражений на четыре группы и дается краткая характеристика данных групп.

Ключевые слова: *тавтология, говорящий, причины употребления, речевая ошибка, интенциональность высказывания.*

Тавтология – это содержательная избыточность высказывания, проявляющаяся в смысловом дублировании целого или его части. Как известно, тавтология – это лингвистический термин, однако изучением данного явления занимается не только лингвистика. Тавтология – это также предмет изучения логики, философии, культуры речи и других наук, к тому же слово «тавтология» нередко употребляется и в обыденной речи так называемыми «наивными лингвистами». Анализ научной литературы по тавтологии и проведенный ассоциативный эксперимент показали, что рассматриваемое явление имеет неодинаковое осмысление в разных научных отраслях и сфере «наивной лингвистики». Можно сказать, что каждая наука рассматривает тавтологию под своим особым углом зрения, уделяя повышенное внимание какой-либо одной стороне данного многостороннего явления.

Лингвисты, логики и «наивные лингвисты» выделяют в тавтологии разные релевантные для них признаки и, соответственно, совершенно по-разному оценивают данное явление языка. «Наивные лингвисты», ограничивая экстенционал тавтологических выражений только порочными словосочетаниями с однокоренным повтором (*масло масляное, красивая красота, старая старушка*), считают тавтологию ошибкой, глупостью, паразитом и признаком необразованных людей. Многие лингвисты, изучая тавтологические фразеологизмы (*горе горькое, туча тучей, сиднем сидеть*), пишут о яркости, экспрессивности, са-

мобытности и явной стилистической окрашенности тавтологий [1; 6]. Логика, уделяя особое внимание формальным логическим законам, отмечают, что тавтология хотя и не отличается особой информативностью, но крайне полезна для построения логически верных суждений и непротиворечивости нашего мышления [2; 4].

В результате невольно создается впечатление, что логики, лингвисты и «наивные лингвисты» говорят, как минимум, о трех совершенно различных явлениях, случайно совпадающих по названию. Однако это не так. Просто тавтология – сама по себе сочетание несочетаемого, квинтэссенция противоречий. Тем не менее, на наш взгляд, возможность внести какую-нибудь, пусть неуниверсальную упорядоченность в хаотичность восприятий и оценок тавтологии все-таки существует. Для этого, на наш взгляд, нужно сосредоточить свое внимание на «природной среде обитания» тавтологических выражений – речевых высказываниях и на производителях данных высказываний, т.е. на говорящих. Именно поэтому нам хотелось бы подробно остановиться на причинах появления тавтологий в речи говорящих. Можно выделить четыре основные причины, по которым говорящие употребляют то или другое тавтологическое выражение в своих высказываниях, поэтому можно условно разделить тавтологии на четыре группы: 1) «по инерции», 2) «по привычке», 3) «по незнанию» и 4) «по интенции». Остановимся подробнее на каждой из этих групп.

1. Тавтология «по инерции». Это так называемая «механическая тавтология» (термин М.Х. Иевлевой [6, с. 135]). Особенностью данной «механической тавтологии» выступает случайность ее употребления, она возникает машинально, «по инерции». Например, если профессор на лекции сказал: *1) Положительный плюс данной теории заключается в новом взгляде на природу языка или 2) Если эту проблему можно было бы решить, то и многие другие решались бы более легче*, то, на наш взгляд, не имеет смысла обвинять профессора в незнании правил образования сравнительной степени имен прилагательных (2) или в неведении того, что плюс и в прямом и в переносном значении отрицательным быть не может (1). На самом деле, примеры подобной избыточности встречаются очень часто в устной неподготовленной речи: 3) – *Дай мне горячего кипятка...*; 4) – *Сегодня целый день снегопад падает...*; 5) – *Я лучше молчаливо про-*

молчу... Причины возникновения тавтологий такого рода носят психофизиологический характер, т.е. кроются в природе человеческого мышления. Смеем предположить, что наше сознание само по себе избыточно, мысль строится не сразу, а постепенно, говорящий часто без надобности повторяет то, что уже сказано. Конечно, для подлинного подтверждения выдвинутой гипотезы об «избыточной природе сознания» необходимо проведение специальных лабораторных экспериментов нейрофизиологического и психолингвистического характера, мы же в настоящей статье способны указать лишь на косвенные факты, доказывающие данную гипотезу.

Во-первых, как широко известно, любой естественный язык содержит в себе элементы избыточности. Именно поэтому ученые, работающие в русле сравнительно-исторического языкознания, выполняя реконструкцию какого-либо мертвого языка, специально проверяли получившуюся модель на наличие в ней избыточности – ее отсутствие являлось показателем несоответствия действительности реконструированной языковой системе. Во-вторых, чаще всего примеры «механической тавтологии» встречаются в устной речи. Как известно, устная речь в силу своей неподготовленности, спонтанности намного ближе к внутренней речи, следовательно, «среда обитания» механической тавтологии тоже служит косвенным подтверждением нашей гипотезы об избыточной природе сознания. Естественно, говорить о какой-либо функциональной нагрузке высказываний с механической тавтологией не имеет смысла. Однако порочность подобных выражений тоже сомнительна, поскольку обвинения в избыточности в адрес человеческого мышления и сознания, по нашему мнению, лишены рационального зерна.

2. Тавтология «по привычке». Данную группу тавтологий большей частью формируют устойчивые тавтологические выражения. В некоторых из них избыточность не осознается (*делать дело, варить варенье, загадывать загадку, танцевать танец*) – это случаи так называемой «естественной тавтологии», однокоренной повтор в которых объясняется законами словообразования. Другие «тавтологические привычки» – это всевозможные идиоматические словосочетания, иногда именуемые «тавтологическими фразеологизмами» (*ходить ходуном, сидеть сиднем, бежать бегом, выдавший виды, туча тучей*). Сове-

менная литературная норма не рассматривает данные тавтологии как ошибки, объявляя им своеобразную «амнистию», именно поэтому, на наш взгляд, упомянутые «тавтологические атавизмы» широко распространены в современной беллетристике. Степень экспрессивности, а следовательно, и функциональности данных тавтологических выражений не одинакова (ср. явную экспрессивную окраску с разговорным оттенком в примере 6 и нейтральный по эмоциональности пример 7): 6) – *Что толку сиднем сидеть?! – зло плюнул Торин, когда они вернулись. – Идем вперед!* [9, с. 129]; 7) *Дело было сделано. Камень запомнил своего нового хозяина, и теперь его можно было убрать куда-нибудь поглубже, подальше от чужих глаз* (Там же, с. 230). В большинстве случаев подобные тавтологические выражения используются именно по привычке, как своеобразные «остатки наивной болтливости старины».

3. Тавтология по «незнанию». Именно эта группа тавтологических выражений образует экстенционал речевых ошибок, порочных тавтологий. В Интернете можно найти много так называемых «коллекций тавтологий», которые образованы подобными тавтологическими словосочетаниями. Отличительная особенность тавтологий данной группы заключается в том, что они употребляются не машинально и не по привычке, а именно по причине незнания точного значения одного из компонентов тавтологического словосочетания. Поэтому значительную часть рассматриваемой группы образуют тавтологии с заимствованными словами: 8) *Бывший экс-чемпион, другая альтернатива, местные аборигены, народный фольклор, преискурант цен.* Порочность в данном случае заключается не в самом употреблении тавтологического словосочетания, а именно в незнании точного значения слова, в недостатке определенной энциклопедической информации у говорящего. Семантическое дублирование неизвестного компонента словосочетания можно объяснить психологическими особенностями сознания: избыточный элемент служит своеобразной «опорой» для говорящего при построении высказывания с неизвестным словом. Так появляются в речи *аксиологические ценности, деонтические нормы, неотъемлемые атрибуты, саморефлексия* и др. Избыточная экспликация может проводиться как для слушающего, так и для самого говорящего как своеобразный акт «самообъяснения».

4. Тавтологии «по интенции». Данная группа формируется тавтологиями, которые употребляются говорящими с какой-либо определенной целью. Как показал анализ научной литературы, лингвисты в своих работах уделяли особенное внимание именно этим функционально оправданным тавтологиям. В результате были выявлены основные параметры интенциональных тавтологий и составлен перечень функций, для реализации которых данные тавтологии могут быть употреблены. В большинстве случаев при целенаправленном употреблении тавтологии как бы «переосмысляются» в речи и не воспринимаются как избыточные и неинформативные. Именно характер переосмысления определяет наличие определенных функций у различных тавтологических конструкций. Например, большинство адъективно-субстантивных тавтологий (*красивая красавица, истинная правда, real reality, idiotic fool*) выполняют функцию интенсификации качества как наличествующего в высокой степени [3; 7], т.е. формулу переосмысления данных тавтологических словосочетаний можно построить присоединением интенсификаторов: *самый, чрезвычайно, очень*. Например, *тоскливая тоска* воспринимается как чрезвычайно сильная тоска, а *грубый грубиян* – как очень большой грубиян.

Естественно, смело говорить о наличии какой-либо стратегии у говорящего, который использует то или другое тавтологическое выражение в своей речи, можно лишь в последнем случае. Сознательно выходя за рамки нормы, говорящий использует тавтологию для реализации какой-либо цели, как бы балансируя между порочностью и экспрессивностью. Например, говорящий может использовать тавтологические сочетания в тактике оскорбления: 9) – *Только дай ей Бог не такого, как вы, Иван Федорович, – разорвалась наконец, как бомба, Лизавета Прокофьевна, – не такого в своих суждениях и приговорах, как вы, Иван Федорович, не такого грубого грубияна, как вы, Иван Федорович* [8, с. 334]. Лизавета Прокофьевна, как и многие персонажи Ф.М. Достоевского, – крайне неуравновешенная, эмоциональная женщина. Демонстрируя негодование по поводу поведения своего супруга, она переходит к открытому оскорблению Ивана Федоровича, употребляя тавтологическое словосочетание *грубый грубиян* для эмоционального усиления высказывания.

Также тавтологии могут быть полезны для убеждения слушающего в ситуации изви-

нения: 10) *'I am very sorry to have caused any trouble' said Frodo. 'It was quite unintentional, I assure you. A most unfortunate accident'* [11, p. 162]. Принося свои извинения хозяину гостиницы за неподобающее поведение, напугавшее посетителей, Фродо, пытаясь убедить мистера Батербара, что неприятное происшествие было абсолютно неинтенционально, использует тавтологическое словосочетание, которое в данном случае является эмоциональным усилением доказательства. Таким образом, стратегии и тактики, для осуществления которых могут быть использованы тавтологические выражения, достаточно разнообразны.

Хочется отметить, что устанавливаемые нами границы тавтологических групп не носят абсолютно закрытого характера. Так, например, тавтологии «по незнанию» в конкретной речевой ситуации вполне могут быть механическими тавтологиями, причиной которых будет скорее невнимательность, чем неграмотность. К тому же при постоянном воспроизведении в устной и письменной речи порочные тавтологии могут закрепиться в языке и стать узальными для определенной лингвокультуры, т.е. перейти в разряд «тавтологических привычек». Например, повсеместное употребление словосочетания *прейскурант цен*, скорее всего, на наш взгляд, рано или поздно сделает данное словосочетание устойчивым и нормативным.

Более того, «откровенно порочные» тавтологические выражения достаточно часто встречаются в комическом дискурсе с целью провоцирования смеха у аудитории. В подобных случаях порочные тавтологии переходят в разряд тавтологий интенциональных. Например, многие реплики Кузи (не особо умного персонажа комедийного телесериала «Универ») представляют собой тавтологические словосочетания (*потеря потерь, блин блинский, бухлом набухаться*), используемые сценаристами сериала для изображения ограниченного словарного запаса упомянутого героя с целью провоцирования смеховой реакции у телезрителей, на что однозначно указывает стандартный прием «смех за кадром», присутствующий после каждого из приведенных высказываний.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что тавтология – это крайне противоречивое явление, сочетающее в себе истинность и порочность, ошибочность и экспрессивность. При изучении тавтологии следует учитывать все ее стороны, поскольку

ку фокусирование внимания лишь на какой-либо одной стороне данного противоречивого явления неизбежно приведет к определенной однобокости выводов и оценок. Определенное «примирение» противоречивых признаков тавтологии может быть достигнуто при обращении к «творцу» конкретных тавтологических выражений в речи – к говорящему. Анализ причин, по которым люди употребляют тавтологии в своих высказываниях, может частично внести определенную упорядоченность в хаотичность восприятий и оценок тавтологии.

Литература

1. Войлова К.А. Тавтологические единицы как средство выразительности в художественном тексте (по произведениям Ф.А. Абрамова) // Семантическая структура слова и высказывания : межвуз. сб. науч. тр. М., 1993. С. 84 – 90.
2. Демидов И.В. Логика : учеб. пособие для юрид. вузов. М. : Юриспруденция, 2000.
3. Зайц О.А. Семантика и прагматика тавтологий и плеоназмов : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001.
4. Ивин А.А. Логика : учебник. М. : Гардарики, 1999.
5. Иевлева М.Х. Базисные концепты ментального мира человека. Уфа : БашГУ, 2002.
6. Крапотина Т.Г. Фразеологизация синтаксических связей в устойчивых сочетаниях тавтологического типа : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
7. Рахманкулова Л.К. Тавтологические конструкции в современном английском языке (функциональный аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
8. Достоевский Ф.М. Идиот: роман. М. : ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.
9. Перумов Н.Д. Черное копые // Эпопея «Кольцо тьмы». М. : Эксмо-Пресс, 2000. Кн. 2.
10. Универ : комедийный телесериал. Канал ТНТ. 2010.
11. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings. Boston – N.Y.: Houghton Mifflin Company, 2004.

Reasons for appearance of tautological expressions in speech

There are shown the main reasons for the appearance of tautological expressions in a person's speech. There are revealed four main reasons for which speakers use tautology in speech. In compliance with it, tautological expressions are divided into four groups. There are suggested the short descriptions of these groups.

Key words: *tautology, speaker, reasons for use, speech mistake, speech intention.*